

С.В. Волкова
Киевский национальный лингвистический университет

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ АМЕРИНДСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

*Тайна языка — главнейшая из тайн человечества:
если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые
в веках или утраченные знания.*

В.А. Маслова

Понятия “образность”, “образная система”, “система образов”, “образ художественного текста” всегда находились в фокусе лингвистических исследований. В лингвистических исследованиях толкование получили: антропоморфные образы (Ю.М. Лотман), космологические образы (Р.Барт, Ю.М. Лотман, Б.Гаспаров), сказочные образы (В.Я. Пропп), ноосферные или экологические образы (О.П. Воробьева), идиотипные и кенотипные словесные поэтические образы (Л.И. Белехова), стереотипные образы (В.В.Красных), лингвокультурные типажи (В.И. Карасик, О.А. Дмитриева). В.А.Кухаренко, определяя понятие образ, подчеркивала, что именно в образе сконцентрирована смысловая и эстетическая информация художественного текста, и попытки проникнуть в нее следует начинать с поисков образа, воздействие которого, “как и любого сигнала, несоизмеримо с его собственной энергией” [5, с. 12]. О.П. Воробьева в обсуждении образов, средой обитания которых есть художественный текст, обращает внимание на то, что в филологическом сознании и сам художественный текст как явление представлен в виде некоего образа или совокупности образов, существующих в формате аналоговых, картиноподобных ментальных репрезентаций [2, с. 25].

Вслед за Валентиной Авраамовной Масловой мы рассматриваем текст как то, что создается из языковых единиц различных уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал [6, с.111]. К таким единицам в нашем исследовании мы относим высказывания, выраженные синтаксическими конструкциями.

Высказывание, вслед за Ю.Степановым, определяем как то, что в звучащей речи заключено между паузами достаточной длины, а в речи письменной – между точками [7, с.6]. Так, высказывание – это повествовательная единица, сформированная в предложение, состоящее из структурных частей и связей между ними. Каждое высказывание, включаемое автором в текст повествования, подчинено общей идее – раскрытию смысла и созданию образности художественного текста.

Материалом нашего исследования стали произведения периода Американо-Ренессанса (1969-1973 гг.) роман-миф Скотта Момадэя «Дом, из рассвета сотворенный» и короткие рассказы Линды Хоган «Жилища», написанные в форме эссе. Объединяет эти разно-жанровые произведения идея ремифологизации мотивов о сотворении мира, о развитии всего живого на земле, о взаимодействии человека и природы и т.д.

Рассмотрим фрагмент из романа Скотта Момадэя «Дом, из рассвета сотворенный», в котором раскрывается мотив циклического развития: «*Abel was running. He was alone and running, hard at first, heavily, but then easily and well. The road curved out in front of him and rose away in the distance He could not see the town. It was dawn. The valley was gray with rain, and snow lay out upon the dunes. The first light had been deep and vague in the mist, and then the sun flashed and a great yellow glare fell under the cloud. The road verged upon clusters of juniper and mesquite, and he could see the black angles and twists of wood beneath the hand white crust; there was a shine and glitter on the ice. He was running, running.*» [9, Prologue].

В описании ритуального бега, символизирующего очищение и перерождение героя, используются различные структурные типы синтаксических конструкций: простые распространенные/нераспространенные, сложносочиненные, состоящие из двух и более простых предложений.

Первое предложение представлено простой двусоставной нераспространенной коммуникативной единицей. Второе предложение по структуре так же, как и первое, является простым двусоставным, распространенным детерминантами предикативной группы, представленными наречиями с обстоятельственным значением образа действия: *hard at first, heavily, but then easily and well*. Третье и четвертое предложения, выраженные простыми двусоставными синтаксическими конструкциями, усложнены наличием обособленных второстепенных структур, что создает ритм равномерного бега. Медиальным предложением в этом цикле синтаксических конструкций, находящемся в самом центре повествования, находится простое безличное двусоставное нераспространенное предложение: *It was dawn*. Это предложение имеет семантическое, семиотическое и синтаксическое значение: 1) dawn – рассвет, а, значит, начало нового дня; 2) рассвет символизирует перерождение героя, его очищение от старого, негативного; 3) неусложненность, нераспространенность конструкции этого предложения концентрирует внимание читателя на предикативной группе с акцентом на фактическом подлежащем *dawn*, вводимом формальным подлежащим *It*. Далее следует серия сложносочиненных предложений, части которых соединены сочинительным союзом *and*, выполняющим функцию объединяющего звена. Цикл описания этого ритуального бега замыкается простым двусоставным нераспространенным предложением, где глагол сказуемое, так же как и в первом предложении, употреблен в прошедшем длительном времени: *He was running, running*. Доминирование простых двусоставных конструкций, усложненных второстепенными компонентами, организует текст в некий цикл с равномерным чередованием простых нераспространенных – простых распространенных – сложносочиненных предложений. Параллельные конструкции, представленные простыми нераспространенными предложениями в инициальной и финальной позиции описания ритуального бега, заключают повествование в определенный фрейм, как бы образуя символический круг и объективируя концептуальную метафору ЖИЗНЬ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ. Цикличность движения, которое предусматривает развитие, прежде всего

определенных человеческих качеств, предметно воплощена, этнокультурном артефакте америндов Колесе Медиссы (Medicine Wheel). В америндской культуре этнореалия Колесо Медиссы считается знаком, символизирующим симметрию, баланс, целостность.

Фреймовая организация синтаксических конструкций с повторением начала и конца символизирует процесс перерождения героя, переход его на новый уровень развития, что имеет знаковое этнокультурное значение, особенно в период америндского Ренессанса.

В текстах америндской художественной прозы мы выявили мифологично-авторские образы, которые определяем как лингво-когнитивный текстовый конструкт, инкорпорирующий преломленные сквозь призму авторского сознания этнокультурные коды, вербализированные в тексте образными средствами, присущими идиолекту и идиостилю автора.

Одним из мифологично-авторских образов романа Скотта Момадэя является образ Дома. Параллельные конструкции, используемые в описании этого образа, организованы перекрестным способом: «*There was a house made of dawn. It was made of pollen and of rain, and the land was very old and everlasting. There were many colors on the hills, and the plain was bright with different-colored clays and sands. The land was still and strong. It was beautiful all around.*». В первом предложении, простом двусоставном распространенном по структуре, за оборотом следует существительное в единственном числе с классифицирующим артиклем *the*, что эксплицирует знаковую роль Дома как общего для всех укрытия. Простое предложение сменяется двумя последовательными сложносочиненными предложениями, первое из которых начинается оборотом *There was/were*, указывающим на факт наличия предмета, а второе – формальным подлежащим *It*, заменителем существительного, употребленного в предыдущем предложении. Завершается описание так же, как и начинается, простым двусоставным распространенным предложением, что как бы закольцовывает повествование.

В семиотическом аспекте выделенные параллельные конструкции метонимически замещают строение дома, визуально разделенного на четыре части. Фреймовая организация таких синтаксических конструкций передает свойственную вигвамам, традиционному жилищу индейцев Северной Америки, округлую форму, олицетворяющую мир как целое.

Перекрестные параллельные конструкции способствуют созданию образа целостности дома, его прочности как контейнера, вмещающего предметы обитания в нем, таким образом, объективируя концепты ГАРМОНИЯ, БАЛАНС в пространстве под названием Дом.

Во фрагментах из романа Скотта Момадэя «Дом, из рассвета сотворенный» мы выявили фреймовую и перекрестно-фреймовую организации синтаксических конструкций, выполняющих экспрессивно-знаковую функцию в создании образности художественного текста.

Иными способами организованы синтаксические конструкции в рассказах америндской писательницы Линды Хоган «Жилища» (Dwellings). Их отличает мобильность синтаксических конструкций, для которых свойственна смена

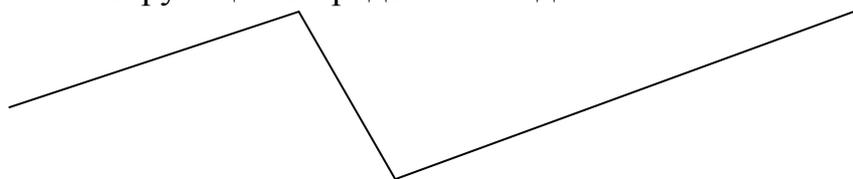
грамматических форм и суперимпозиция, т.е. наложение, включенных и аппозитивных синтаксических структур, что в итоге способствует созданию динамичных в пространстве текста образов. Так, эссе на тему люди-змеи под названием «The Snake People» начинается с описания летучей змеи, похожей на золотой луч света: «*ONE GREEN AND HUMID SUMMER, MY FATHER AND I were driving through the hot Oklahoma countryside. I had just handed over the wheel of the truck to him and was bathing my face with a wet cloth when something that looked like a long golden strand of light leapt up, twisted in the wavering air, and flew lightning fast across the road. That flying snake, that thin flash of light, brought back a store of memories.[...]*» [8, с. 135].

Первая синтаксическая конструкция представлена простым распространенным предложением, в котором сообщается о месте действия и персонажах, являющихся участниками этого события. Во втором высказывании возникает напряжение в результате поданного в придаточном предложении описания внезапно появившегося объекта, похожего на длинный золотой луч света, по форме и стремительности своего перемещения напоминающий молнию. Напряжение усиливается суперимпозицией элементов, включенных в текст второго предложения способом “матрешки”: сложноподчиненное предложение имеет в своем составе придаточное времени, которое, в свою очередь, является главной частью по отношению к включенному в него придаточному определительному. Смена грамматических форм предикатов главной части предложения от прошедшего совершенного (*had just handed*) до прошедшего длительного (*was bathing*) демонстрирует динамичное развитие действия, сигнализируя о приближении кульминационного момента, очерченного соединительным наречием *when*. Причем, ряд однородных действий, выраженных прошедшим простым временем, входящих в состав определительного придаточного предложения, усложняет конструкцию всего высказывания, и, как следствие, тоже способствует эмоциональному воздействию на читателя. Образ, создаваемый синтаксическими структурами, конструируем следующим образом: в первой части предложения за глаголом в *Past Perfect* следует глагол в *Past Continuous*, что можно изобразить как движение вверх. Затем, резкий поворот движения вниз, индикатором которого выступает придаточное предложение времени, вводимое соединительным наречием *when*. И заканчивается описание рядом последовательных, равноправных действий, сигнализирующих о продолжении движения:

2

1

3

где, 1 - *I had just handed over the wheel of the truck to him and was bathing my face with a wet cloth*

- 2 - *when something that looked like a long golden strand of light*
3 - *leapt up, twisted in the wavering air, and flew lightning fast across the road*

В мифологическом понимании америндов змея – представитель Духа Темного Царства. Поэтому к змее относятся как к созданию, вызывающему не только неприятные ощущения, но и страх: «[...] *There were other stories, those in which snakes were fearsome creatures; a rattlesnake curled up around a telephone, ready to strike an answering hand, a snake in a swamp cooler, or crawled into bed with one of the children. [...].» [8, с. 136]. В приведенном отрывке описывается поведение гремучей змеи (*rattlesnake*). Этот тип змеи активизирует чувство страха у любого, кто имеет с ней контакт, поэтому описание строится с помощью сложносочиненной синтаксической конструкции. Структура этой конструкции усложнена включением в первой ее части уточняющего определительного придаточного, а во второй – перечислением эллиптических структур с негативной семантикой, что вызывает у читателя ощущения боязни, страха, отвращения к поведению рептилии. В этом отрывке семантика глаголов, передающих действия гремучей змеи, и синтаксический прием их перечисления, создающий эффект пульсирующей силы спринта, позволяют сопоставить действия змеи с конусной пружиной сжатия, которая, разжавшись, может отскочить, причинив боль:*

Следующий фрагмент представляет собой философское размышление о взглядах автора на жизнь: «[...] *At first I thought this dream was about Indian tradition, how if each person retains part of a history, an entire culture and lifeway remains intact and alive, one thing living through the other, as the snake and woman in the dream. But since that time, I've expanded my vision. Now, it seems that what needs to be saved, even in its broken pieces, is earth itself, the tradition of life, the beautiful blue-green world that lives in the coiling snake of the Milky Way.*» [8, с. 139]. Данное повествование состоит из трех предложений, каждое из которых отличается своей структурой. Первое предложение – это сложноподчиненная синтаксическая конструкция, где главная часть представлена предикативной группой со значением умозаключения *I thought*, что эксплицирует позицию автора, которой он придерживался в прошлом. К главной части сложноподчиненного предложения бессоюзной связью присоединено придаточное предложение, выполняющее функцию дополнения. Это предложение усложнено перечислением отделенных конструкций: первые две – это двусоставные распространенные высказывания (*how if each person retains part of a history, an entire culture and lifeway remains intact and alive*), а вторые две – эллиптические синтаксические конструкции (*one thing living through the*

other, as the snake and woman in the dream). Такой смешанный тип синтаксических конструкций свидетельствует о неустойчивости в убеждениях автора, о его сомнениях и неуверенности. Затем следует, по нашему определению, пограничное высказывание, являющееся точкой отсчета, свидетельствующей о начале нового этапа в формировании убеждений автора. Оно выражено простым двусоставным предложением, где предикативная группа распространена обстоятельственным детерминантом времени, расположенным в начале предложения – перед предикативной группой: *But since that time, I've expanded my vision*. Это предложение является знаковым для повествователя, поскольку указывает на момент, с которого его взгляды приобрели новый поворот, что эксплицировано и грамматической формой (Present Perfect) глагола сказуемого. Следующее предложение автор строит в форме настоящего простого времени, усложняя его эллиптическими синтаксическими конструкциями. Это предложение является сложноподчиненным, где главной предикативной группой выступает, так же как и в первом предложении, выражение суждения *it seems*, к которому с помощью союза *that* присоединяется придаточное предложение сложноподчиненной синтаксической конструкции. Она состоит из придаточного, выполняющего функцию подлежащего, и серии предикативов, объединенных на основе асиндетона. Зигзагообразный ход мысли автора, подкрепленный синтаксическими конструкциями с изменением времени повествования, указанием границы поворота событий и дальнейшее рассуждение в другой временной рамке визуализируют Млечный Путь в виде закрученной змеи:

На основе структурно-семантического и когнитивно-семиотического анализа мы описали следующие способы организации синтаксических конструкций в америндских прозаических текстах (фреймовый, перекрестно-фреймовый и мобильный), способствующие визуализации определенного этнокультурного символа и созданию образности произведения. Синтаксические конструкции, представленные простыми, сложносочиненными или сложноподчиненными предложениями, вводными структурами уточняющего характера, эллиптическими структурами, усложненными сравнительными конструкциями, придают высказыванию динамичность, информативность, экспрессивность и целостность. Синтаксическая образность создается в проанализированных произведениях так же посредством различных видов повторов, включая анафору, эпифору, рамочную конструкцию и полисиндетон. В ходе работы мы пришли к выводу, что данные повторы могут

выполнять в тексте функцию усиления выразительности, передавать значение последовательности, длительности или монотонности действий, создавать эффект нарастания. Сам же принцип повтора, проявляющийся на всех уровнях текстовой организации, выступает как один из важнейших принципов, обеспечивающих структурно-смысловое единство, целостность текстового пространства.

Список литературы:

1. Бєлєхова Л.І. Словесний образ в американській поезії: Лінгвокогнітивний погляд: Монографія. – М.: ООО “Звєздопад”, 2004. – 376с.
2. Воробьева О.П. Образ текста в ментальных репрезентациях: когнитивно-семиотический подход // Записки з романо-германської філології. Вип. 2: Ювілейний. Присвячений 80-річчю проф. В.А.Кухаренко. – Одеса: Фенікс, 2008. – С. 25-32.
3. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – М. : Гнозис, 2010. – 351с.
4. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности / В.В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация : [сб. статей]. – М. : Филология, 1997.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. — 3-е изд, испр. — Одесса: Латстар, 2002. — 292 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
7. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335с.

Иллюстративный материал:

8. Hogan, Linda. Dwellings. A Spiritual History of the Living World. – New York : A Toughstone Book, 1995. – 155p.
9. Momaday, N. Scott. House Made of Dawn. – New York : Harper and Row Publishers, 1998. – 198p.